

Девочка для генерала 2

Автор:

Марина Кистяева

Девочка для генерала 2

Марина Анатольевна Кистяева

«Дед Семен не верил, что честным трудом можно заработать большие деньги. Особенно вон на такие машины, что колеи делают здоровущие, и потом ему не пройти, не проехать. Эти-то уедут, а он...

Дед Семен посмотрел на спящую девушку, что изредка стонала.

За ней приехали.

За ком же ещё...

И полез за старой двустволкой.

Давненько он ей не пользовался.

Знал одно – рука у него твердая ещё, несмотря на возраст.

Не дрогнет...»

Марина Кистяева

Девочка для генерала 2

Пролог

Дед Семен не верил, что честным трудом можно заработать большие деньги. Особенно вон на такие машины, что колеи делают здоровущие, и потом ему не пройти, не проехать. Эти-то уедут, а он...

Дед Семен посмотрел на спящую девушку, что изредка стонала.

За ней приехали.

За ком же ещё...

И полез за старой двустволкой.

Давненько он ей не пользовался.

Знал одно – рука у него твердая ещё, несмотря на возраст.

Не дрогнет.

Жаль, конечно, помирать не своей смертью. Молодчиков ему не испугать, куда он против них, но хоть девочку в обиду не даст.

Красивая.

И помрет дед Семен не за зря.

Эх... Была не была.

Тряхнет стариной, как в былые времена, когда с парнями из соседней деревни за красотку местную дрался.

Перезарядив двустволку, дед Семен вышел на крыльцо.

А ведь красиво у него тут. Солнце поднимается из-за горизонта. Вон речка рядом. Лесок.

Из одного джипа выпрыгнули трое парней в черных безликих одеждах. Даже лица, ироды, не прикрыли. И, правда, чего старика-то стесняться.

– Отец, убери ружье. Мы без зла пришли.

Ага, по добру они, без зла. Как же. И у каждого по кобуре. И смотрят волками.

Как есть ироды.

– П-шли вон. Откуда приехали.

– Отец, не кипятись. Мы по делу.

Тот, что говорил, светловолосый. На вид спокойный такой. Голос ровный. Взгляд лишь усталый. Да и круги под глазами пролегли. Не спал всю ночь, небось, соколик? Рыскал по округе?

Дед Семен собирался послать его по матушке, но тут увидел, что у второго джипа дверца-то тоже приоткрывается, и с переднего пассажирского сиденья спрыгивает ещё один молодчик.

В предрассветной поволоке не сразу дед рассмотрел его. Не понял даже, почему внимание на него переключилось.

Высокий. С военной выправкой. Такую ни с какой другой не перепутаешь. При должности, значит. Чем-то цепляет. Значит, он главный. Точно. Потому что другие сразу притихли, а этот двинулся в его сторону.

– Я приехал за девушкой, отец, – и голос такой, что хочется двустволку опустить.

Только хренушки.

Не для того её доставал дед Семен.

Глава 1

У Кати болело всё.

Бывает же такое, когда ты просыпаешь и чувствуешь себя полностью разбитой. Так и она. Ещё глаза не открыла, а уже устала. Даже смешно.

Хотя какой тут смех... Плакать в пору.

Ночь, которая должна была стать для неё отправной точкой к новому витку, обернулась не пойми чем. Кошмаром? Катя последнее время боялась подобных слов. Любого негатива даже в мыслях стоило избегать.

Какое тут...

Она сунулась в самое пекло. Причем добровольно. И как из него выбраться невредимой, Катя не представляла.

Девушка повернула голову и открыла глаза. Рядом спал Коваль. Он лежал на спине, простыня прикрывала его бедра, грудь же мирно вздымалась. Вроде спал крепко, но Катя не строила иллюзий. Он мог проснуться в любую секунду, если уже не проснулся.

И снова в голове девушки закружилась крамольная мысль, что Руслан Коваль мужик красивый. Взрослый, правда, но для многих женщин в приоритете были как раз мужчины старше их.

А у самой Кати?

Она мысленно усмехнулась.

У неё никого не было.

Ей бы услышать от судьи, что она отделалась условным сроком. Остальное – ерунда.

Катя тихонько вздохнула и начала вставать. Ей не лежалось. Находиться в бодрствующем состоянии с Русланом опасно для психического здоровья. Саднящие ощущения между ног напомнили девушке о бурной ночи. Оставалось надеяться, что Руслан не будет иметь её каждую ночь трижды. И тут же циничный голосок в голове иронично заметил, что она слишком самоуверенна, и с чего-то решила, что задержится в доме Ковалёва надолго. И правда, глупые мысли.

Погонит он тебя, Катя, сегодня. Снова СИЗО и серые стены.

Мысли с утра не вдохновляли.

Катя, поморщившись, встала. Рядом с кроватью лежал заранее приготовленный накануне халат. Ночью она достаточно пощеголяла голый.

– Приготовишь кофе?

Услышав полусонный баритон, Катя похвалила себя за то, что не вздрогнула.

Обернуться – обернулась.

Руслан смотрел на неё, подтверждая её недавние мысли, что он никогда не спит, как принято говорить в народе, намертво. Всегда начеку. Натренированный или особенность организма? Катя поймала себя ещё на одной мысли – что она невольно начинает интересоваться Русланом. Его жизнью. Со стороны могло показаться, что её интерес логичен и закономерен. Она спит с этим мужчиной, живет в его доме. Тогда отчего у неё возникала стойкая ассоциация с черной воронкой? Будто чем больше она узнавала про генерала, тем сильнее ей воронка затягивала.

– Американо без сахара?

Катя улыбнулась одними уголками губ.

– Да.

Взгляд Руслана с утра был тяжелым. Сердился за то, что вчера ей рассказал про себя?

Она не просила. Вернее...

Черт, Катя начинала путаться в собственных мыслях. Поэтому – хватит. Сначала она умоется, сварит кофе и лишь потом позволит себе проанализировать, что да как.

– Подождешь минутку? Я умыться хочу.

– Конечно.

На лице Руслана не было даже подобия улыбки. Сдержанный взгляд, всматриваться в который не стоило.

– Принесешь сюда?

А вот этот вопрос Катю удивил.

Кофе в постель?

Серьезно?

– Принесу.

– Халат завяжи потуже. И впредь... Воробушек, халат только для спальни. У меня по дому гуляют, пусть не голодные, но всё же сердитые взрослые мужики.

Сказал и перевернулся на живот, подсунув руку под подушку.

Потуже-то Катя халат завязала, пока же шла к ванной, сосредоточилась на том, чтобы ноги её не подвели, чтобы она не покачнулась и не упала.

Первое. Заявление Руслана ошарашило её. Снова. Понятное дело, что большинство мужчин – собственники, это у них природой заложено. Но не может же Коваль её ревновать? И не ревность это вовсе. Тогда что? Предупреждение? Опять непонятно, на чем основанное.

Катя почистила зубы и умылась холодной водой.

Бог с ним... С заявлением. В её душу прокралось другое. Что запечатлется, наверное, в памяти куда сильнее.

Вид домашнего Ковалья.

Такого уютного. Простого. Доступного.

Он повел себя, как обычный мужчина, что не выспался, которому не хочется выбираться из теплой постели. И пока есть возможность вздремнуть лишние пять-десять минут, он не откажет себе в этом удовольствии.

По дороге на кухню она встретила Михаила с двумя молодыми парнями до тридцати лет. Парни, причем оба, как по единой команде посмотрели в её сторону. Катя зарделась и сильнее вцепилась в перила.

– И на что уставились? – рыкнул на них Михаил. – Доброе утро, Катя.

– И вам доброе.

Катя интуитивно схватилась за полы халата и сильнее их свела на груди. Бюстгальтера на ней не было – ещё одна оплошность. Ей наука.

Она спешно спустилась и нырнула на кухню. Странное дело, вроде бы и живешь в доме одного мужчины, а на его территории расхаживают и другие. Прав был Коваль, халат – не та одежда, в которой можно свободно передвигаться.

Катя запустила кофемашину, достала тосты, нарезала сыр и буженину. В вазочку налила джема, что обнаружила на столе. Себе бы конфет... Катя прикусила губу. Не поругают же её, в самом деле, если она откроет ещё одну коробку! Какое утро без кофе и конфет?

Приготовленный завтрак вместе с кофе поставила на поднос.

Почти, как любящая жена...

Господи, да что сегодня за мысли с утра! От недосыпа или от переизбытка секса?

Катя порадовалась, что на обратном пути ей никто не встретился. Даже Юля. Катя не хотела ни с кем общаться.

А ещё хотелось переодеться. Вот очень.

Коваль по-прежнему лежал, уткнувшись лицом в подушку. Уснул? Катя не успела сделать и двух шагов по комнате, как он поднял голову.

– Уже? – сонно бросил он. – Ты быстро.

– Я могу позже...

– Нет. Давай сюда.

Руслан провел рукой по лицу, прогоняя остатки сна, порывисто сел и похлопал рядом с собой по матрасу.

Катя поставила поднос и села рядом.

Идиллия, черт побери.

– Спасибо. Тут ещё и тосты, – Руслан сделал глоток кофе и взял сыр. – А ты не завтракаешь?

– С утра не люблю есть. Максимум – кашу, и то раз в неделю. Вот кофе – да.

– Зря. Будем переучивать, – Руслан подмигнул, а у Кати сердце закатилось.

Она поспешно потянулась за своим кофе, прихватив конфетку.

– Сладкая?

– Есть такое дело.

Руслан усмехнулся, отчего Катю кинуло в жар. Она вроде бы и ничего не сказала такого, а создавалось впечатление, что мысли у Руслана совсем не связаны с десертом, направлены значительно ниже пояса.

– Такими темпами ты и меня сладенькой сделаешь, – между тем продолжил мужчина, принимаясь за второй кусок сыра.

Катя посмотрела на сыр в его руке, потом на нетронутые им конфеты.

– Если честно, не поняла тебя.

Он усмехнулся шире.

– Потом поймешь.

Катя немного игриво нахмурилась, потом пожала плечами. Мол, не так уж и интересно, товарищ генерал.

Руслан сделал ещё один глоток, потом поставил уже пустую чашку на поднос и сипло сказал:

– Распахни халат. Ты же голая под ним? Мля, и в таком виде расхаживаешь по дому. На первый раз сделаю вид, что не заметил. Повторится подобное – накажу, Катя. И я сейчас абсолютно серьезно. Мне не надо, чтобы ты сверкала голыми титьками перед моими бойцами. Ты в курсе, что у тебя соски видны?

Катя едва не подавилась конфеткой.

Вот тебе и утро, плавно переходящее в продолжение ночи. Катя спустила взгляд ниже, туда, где заканчивался каменный пресс Коваля без единой жировой

складки, идеально ровный, с четко прорисованными многочасовыми тренировками кубиками, и начиналась простыня. Бугор от возбуждения Руслана был очевиден.

Снова возбужден.

Ого.

– Не в курсе, – медленно ответила она, лихорадочно соображая, что делать дальше. Снова сексом она заниматься не хотела. Между ног сохранялся ощутимый дискомфорт, даже легкое жжение.

– Давай-давай, распахивай, – как бы между делом и якобы не замечая легкой растерянности Кати, продолжил гнуть генерал. – Хочу видеть твою грудь голой. Не прикрытой этой тряпкой. У меня есть мысль, чтобы в спальне запретить тебе носить одежду.

Кровь прильнула к щекам Кати, и девушка едва не выронила чашку с кофе.

– Ты же не серьезно... Про хождение без одежды? – охрипшим от волнения голосом уточнила Катя. Ей только этого не хватало.

– Я подумаю. А пока жду.

Ждет он. Гад.

Гад-гад-гад.

И по барабану ему, что всю ночь её трахал.

Впрочем, ему по барабану было всегда.

Кто она для него?

Тело.

Красивое понравившееся чем-то тело.

Кто он для неё?

Человек, наделенный властью и способный заменить ей колонию на условный срок. Стояли ли Катины унижения нескольких лет жизни за решеткой? Да. Там и не так унизят и прогнут.

Катя поставила чашку, переставила поднос и поднесла руку к полам халата на груди, когда внезапно её перехватили за кисть и, не причиняя боли, но и не давая намёка на возможность вырваться, сжали.

– Ай, – протянула Катя непонимающе и посмотрела на генерала.

– Что не так? – процедил сквозь сжатые губы мужчина. От бывшей легкой игривости, некой шалости, не осталось и следа. – Что снова не так, Воробушек?

От его требования мурашки стремительно побежали по телу, даже по рукам.

– У меня саднит между ног, Руслан, – выдохнула она, не имея намерения скрывать. Она встретила суровый взгляд мужчины. – Отказать тебе не имею права. Сообщить о неудобстве, скорее всего, тоже. Руслан, я не знаю, что мне можно, а что нельзя. Я в твоём доме для определенных целей. И я это понимаю. Но мне бы хоть немного определенности, Генерал.

Катя сама не знала, почему назвала его Генералом. Именно с большой буквы, как обращение. Внутри неё усиливались вибрации, и не сказать, что они были вызваны негативом. Скорее, потребностью хотя бы немного прояснить ситуацию.

Катя не повысила голос, не затараторила. Высказалась ровно, почти спокойно.

Брови Руслана медленно заскользили кверху, при этом на его лице не дрогнул ни один мускул.

– Первое. Мне нравится, что ты называешь меня Генералом. Звучит охрененно возбуждающе. Мой стоящий колом член – тому подтверждение. Второе – всё, что касается твоего здоровья, ты должна мне сообщать. Определенность я тебе дам

через пару дней. Не сегодня и тем более не завтра. Потерпи, маленькая. И кончай меня бояться. Перебарщиваешь уже, Катюш. А пока...

Он убрал поднос с постели на прикроватную тумбочку, подвинув торшер. Кате снова в глаза бросились кожаные браслеты на кистях Коваля. Получается, он их никогда не снимает? В редких случаях?

И снова акцент на завтрашний день.

– Спасибо за понимание, Руслан.

– Какое к черту понимание, Кать... У меня от возбуждения сейчас яйца лопнут. И что же меня на тебя-то так тянет, Воробушек?

Катя не успела даже вздохнуть. Не успела сориентироваться и понять, что задумал мужчина, да и откуда ей было знать. Несколько уверенных движений, и Катя уже распластана на кровати, а сверху навис голый Коваль. Покрывало он успел откинуть.

Катю кинуло в водоворот эмоций и терпкого мужского аромата. Бодрящего, свежего, немного кружащего голову. Аромата, характерного только для Руслана. Катя узнала бы его среди тысячи. Никогда не была заиклена на парфюме, этот же запах проник ей под кожу, въелся навечно.

– Не слушаешься ты меня, Катя, – глаза Руслана потемнели, сталь плавилась, перерабатывалась, превращаясь в чистейшее возбуждение. В голую страсть. Катя, как замороженная смотрела в них, не в силах отвести взгляда.

Да и не хотелось...

– Не слушаюсь. Это точно, – вздохнула она, и её грудь приподнялась, чем снова привлекла к себе внимание.

Руслан взялся за полы халата обеими руками и медленно развел их в стороны, обнажая Катю. Сквозь стиснутые зубы прозвучал полустон-полурык, довольный, будоражащий. Катя тоже в ответ шумно выдохнула, но не сжалась, не отпрянула прочь.

Ей начинала нравиться некая дикость в желаниях Ковалю. Словно он не мог сдержаться, и ему не терпелось добраться до неё. До её кожи, тела, груди. Лона. Вот и сейчас он весь напрягся. Он навис над ней сверху. Большой, сильный, до невероятности мужественный. От его тела или от него самого, тут сложно определить, исходило нечто такое, что Катя не могла описать словами. Только голые инстинкты улавливали те невидимые посылы, на которые нельзя было не реагировать. Власть, сила, возбуждение. Всё смешалось в один водоворот.

– Голенькая, – его рык превратился в приглушенный шепот. Руслан говорил, медленно продолжая и дальше разводить в стороны полы ее халата. Катя лежала, не двигаясь, лишь шумно дыша.

Она видела, нет, даже чувствовала кожей и съезжившимися сосками, что взгляд Ковалю прикован к её груди. Странное томление перехлестнулось с жаром. Соски не просто покалывало, им катастрофически чего-то не хватало. Они торчали, требуя, чтобы к ним прикоснулись. Возможно, сжали, покрутили между пальцев, втянули в рот, жадно прикусили...

– Твою куночку трогать я сейчас не буду. Займусь твоей грудью. И ртом. Воробушек, ты же дашь мне свой рот?

На заданный вопрос ответ не требовался.

Катю опалило жаром. Она ждала чего-то подобного. Учитывая темперамент Ковалю... Если раньше она не задумывалась, сколько надо мужчине секса, то теперь эту невероятную потребность она в полной мере ощутила на себе.

Неужели всем мужчинам так много надо? И так часто?

– Да.

Мужчина замер, все мышцы настолько четко обрисовались, что, Катя невольно ими залюбовалась. Не могла она остаться безучастной.

Как и он.

Она заметила.

– Тогда сожми их, черт побери, Катяяя, собери груди вместе.

От его командного тона девушке захотелось приподнять бедра, интуитивно, потому что и туда устремилась волна жара.

Катя подняла руки, дотронулась до груди, задев соски, отчего те болезненно заныли. Она охнула, изумленно взглянув на Руслана.

– Что? Нюют? – а ему, кажется, понравилась её реакция.

– Да.

– Вот и хорошо... Давай же, собери их.

Сам Руслан сжал давно вставший член. Катя пока не смотрела вниз.

Но хотелось...

Руслан упер вторую руку в изголовье кровати и начал подниматься, когда громкий рингтон раздался где-то рядом, заставив Катю вздрогнуть, а Ковалю выругаться.

– Твою же мать, – он сжал зубы так, что желваки заходили на скулах.

– Не бери, – прошептала Катя, до конца не осознавая смысла своего порыва.

Зато всё понимал Руслан.

Повернул голову и внимательно посмотрел на девушку, отчего та покраснела.

– Не могу, Кать. Есть звонки, на которые даже я должен ответить.

Глава 2

Разговор оказался коротким.

– Сейчас буду.

По факту это всё, что услышала Катя.

Она немного прикрылась. Распоряжений Руслана по поводу того, чтобы она обнажалась, не было, поэтому она своевольничала.

Зато Коваль абсолютно не стеснялся своей обнаженности. Демонстрировал голые ягодички и эрегированный член, который он трогал. Пытался снять напряжение?

Катя ждала. Вернется или... на утро она «отстрелялась»?

Её начинало подташнивать от собственного цинизма.

Чего тебе, дуре, не хватает? Красивый мужик рядом. Хочет тебя.

А ты?

А она хотела определенности и... свободы.

От всего.

От всех.

Коваль повернулся к Кате и негромко сказал:

– Запахни халат. Быстрого секса я не хочу, нагибать тебя нельзя, сосать ты, думаю, не умеешь. Поэтому давай-ка от греха, пока я не сорвался, – Катя не подала вида, что Генерал снова её удивил. Он подошел к креслу и сорвал с него мужской халат. – Значит так. Я сейчас уеду. Скорее всего, не вернусь уже

сегодня. Завтра, думаю, буду. Должен.

Последнее слово он произнес ожесточенно.

Загадочное «послезавтра», что должно было случиться уже менее чем через двадцать четыре часа, напрягало неимоверно.

Катя села и провела рукой по спутавшимся волосам.

– Неприятности? – вопрос сорвался с губ, прежде чем она успела прикусить язык.

Думала, Руслан её одернет.

Он мотнул головой.

– Не те, что стоили бы твоего внимания.

А это как понимать?

Пока Катя соображала, что да как, Руслан подошел к ней, двумя пальцами взял её за подбородок и не сильно, но ощутимо, так, как умеет только он, сжал.

– И позаботься о себе. Возьми у Юли мазь от трещин. Скажи, чтобы она заказала.

Катя не успела ответить. Руслан склонил голову и накрыл её губы своими.

Целовал жестко, грубо. Обжигая. Клеймя.

* * *

Юля выглядела недовольной. Катя решила не навязывать общение.

– Мне нужна мазь.

– От порывов?

Ого...

Она не первая, кому требуется такая помощь?

Уточнять Катя и не думала, но на душе муторно стало. Она развернулась, собираясь уйти, когда её остановили.

– Катя.

– Да, Юль?

– Извини. Не подумай, что я на тебя сержусь или не хочу общаться. Я нервничаю.

– Ничего, всё хорошо.

Не её дело. Здесь всё не её.

– Катюш, да подожди ты! Ты мне как-то грозила помочь на кухне, вот и давай. А потом пошли со мной в спортзал. Как тебе такая мысль?

– В спортзал?

– Ну да. Побегаем, пресс покачаем, попы. Пойдем, будет весело.

Катя подумала и согласилась. Чем-то ей заниматься надо.

Вроде бы ничего не изменилось в доме. Те же люди в черном виднелись в окне, заходили на кухню, тенью скользили по дому. Переговаривались негромко. Периодически слышался лай собак.

И, между тем, огромный дом с множеством комнат, словно жил в полсилы. Нет хозяина – нет стержня. Даже Катя чувствовала отсутствие Коваля. Или, наоборот, только она? Остальные, наверное, привыкли. Они здесь работают, у них отсутствует привязанность. У Кати её тоже не было. Было другое. Необходимость не чувствовать себя одиноко.

Предложение Юли провести день вместе оказалось как нельзя кстати. Она была хорошим психологом. Не задавала лишних вопросов, не говорила и на щекотливые темы. Несколько раз у Кати возникало желание спросить про дочь Ковалю, и каждый раз она себя одергивала. Женское любопытство, конечно, коварная штука, но не настолько, чтобы портить день и расположение, по сути, единственного человека, с кем Катя могла нормально пообщаться.

Но как бы Катя ни занимала, ни отвлекала себя, все равно то и дело поглядывала за окно и на часы.

Вернись...

Вернись...

Если бы её спросили, по какой причине она с такой маниакальной настойчивостью ждала возвращения Ковалю, она не нашла бы, что ответить. Кто-то, зная её ситуацию, её мысли, сказал бы: наслаждайся передышкой, дура. Важный разговор отложен на пару дней. Выдохни.

Она не могла.

И снова смотрела в окно.

Когда же ей удавалось краем глаза поймать въезжавшую машину, едва ли не бегом летела к окну, чтобы посмотреть, кто приехал. Чтобы увидеть высокую фигуру, от которой даже на расстоянии ощущалась незримая сила власти.

Высокие фигуры она видела.

Не те.

Ком вставал в горле, Катя не понимала себя. Волнуется за собственную судьбу? Естественно. Если предположить, что про неё вдруг забудут, и она окажется на улице, а потом снова в полиции, то тогда ей ещё непременно приплетут и побег. А это совершенно другая статья.

Катя гнала негативные мысли прочь. Ей это удалось бы лучше и быстрее, если бы она не видела, как и окружающие находятся не в радостном настроении. Приближенные Ковалю не улыбались, были сдержаны.

Даже Юля, которая всё-таки утащила её в тренажерный зал. Он находился на нулевом этаже и поражал квадратурой. У них в школе и в институте спортивный зал был меньше площадью. Руслан не скупился на оборудование и размах. Тренажерный зал был разделен на несколько секций. В одной находился ринг – октагон, кажется, в спортивном мире его принято называть. Рядом несколько груш. Почему несколько – непонятно. Может, различие в наполнителях? Дальше шли маты.

И целая секция с тренажерами, беговыми дорожками, куда Юля её сразу и повела.

– Разминаемся и начинаем.

Катя кивнула. Почему бы и нет? Хоть немного отвлечется.

Через час Катя, раскинув руки по сторонам и разведя ноги, приняв позу «звезды», лежала на мате и тихо стонала, правда, с улыбкой на лице.

– Я больше не могу. Юля, я не встану. Я вообще больше шага не сделаю.

– Сделаешь, милая. И завтра снова сюда придем.

– Нет-нет.

– Да, – с довольной улыбкой протянула Юля и подмигнула её.

Только глаза оставались серьезными.

В десять Катя поднялась в спальню.

Руслан не приехал.

И ночью тоже.

Спала она плохо. Ворочалась, не могла найти себе места. Глупо, конечно. Одна ночь в объятиях Руслана ничего не решает. И не меняет.

Катя окончательно встала, когда рассвет только ещё начал зарождаться. Больше она не могла находиться в постели. Душа требовала действий. Тело же жалобно застонало, напомнив ей о часе интенсивных тренировок. Болело все. Юля постаралась на славу, гоняя её от одного тренажера к другому.

– Ничего, всем девочкам полезно, – говорила она вчера.

Приглушенно выругавшись, Катя мысленно дала себе зарок, что ни ногой больше на нулевой этаж. Ноги отказывались передвигаться. Катя спустила их с кровати и принялась массировать.

Она не знала, чем займется в предрассветный час. Но не отказалась бы, наверное, от ноутбука или планшета. Может, рискнуть и попросить Юлю?

Катя поднялась. Чувство тревоги не отпускало её.

Она вспомнила события другой ночи. И её взгляд проследовал к смежной двери, за которой располагался кабинет Руслана.

Катя никогда не совала нос в чужие дела. Считала это плохой особенностью, никак не красящей человека. Тут её черт дернул. Не иначе. Бывает и такое. Не хочешь, а делаешь. Сердце готово выскочить из груди, а ты передвигаешь ноги. Тебя как будто что-то толкает вперед, и ты не в силах остановиться. Хочешь и не можешь.

Толкнув дверь, Катя остановилась. Кабинет, где она уже была. Территория генерала Ковалёва. Имела ли она право сюда заходить? Катя не знала ответа на этот вопрос.

Но прошла.

Здесь не убирались после их ночи, что было крайне удивительно. Они же здесь набезобразничали прилично. Разбросанные бумаги, органайзеры, визитки.

Катя остановилась у стола, и услужливая память сразу же подбросила картину их сплетенных тел. Естественно, она не могла их видеть со стороны.

Могла лишь представлять.

Его тело на ней... полусонной, принимающей все его ласки и его самого...

Катя провела рукой по спутанным волосам. Что-то с ней неправильное происходило. Неужели тот самый проклятый стокгольмский синдром? Катя задала себе вопрос: нравился ли ей Коваль? Скорее да, чем нет. Следом сразу же напрашивался ещё один: испытывала ли она по отношению к нему влюбленность, привязанность? Однозначно, нет.

Она испытывает к нему благодарность за возможность не получить срок. Так, наверное, лучше сказать. Не считая того случая в СИЗО, когда Руслан её изнасиловал, он относился к ней хорошо.

Но...

Катя никак не могла вытянуть из сознания какую-то тревожную мысль.

Его же заявление по поводу дочери и вовсе не укладывалось в голове.

Фотография, кстати, так и лежала на столе лицевой стороной кверху.

Катя всё же подошла к столу и снова взяла её.

Что же получалось... Ребенок у Руслана появился, когда он совсем молодым был? На фото девушке лет пятнадцать-шестнадцать, прибавляем три года. Катя точно не знала, сколько лет Ковалю. На вид около тридцати восьми, максимум сорока. Значит, в двадцать-двадцать два у него уже был ребенок.

Маленький ребенок никак не ассоциировался с Русланом. Вот хоть убейте её. Плюс, если ещё отмотать время и представить Ковалю молодым. Это совсем

сложно, для Кати почти что нереально.

Она перевернула фотографию в поиске какой-то информации. И не ошиблась.

На белоснежном листе размашистым почерком было написано «ЛЮБЛЮ» и дата... сегодняшняя, год не указан.

Катя вцепилась в край стола, чтобы не упасть. Значит, вот о чем говорила Юля. Сегодня годовщина смерти дочери Руслана. Наверное, должны состояться поминки.

И всё равно непонятен интерес Юли. Она словно хотела её предостеречь. От чего? Если поминки должны были проходить в доме Ковалёва, так она посидит мышкой в спальне.

Катя положила фотографию на стол. Не стоило ей заходить в кабинет. Расстроила себя сильнее.

У человека горе – потерять ребенка. Плюс он же тоже под следствием. Пусть своеобразным, но его куда-то же вызвали, и с ним она познакомилась именно в полиции.

Девушка обхватила себя руками и вернулась в спальню.

Коваль для неё был и оставался загадкой.

Вопрос – ещё один – заключался в следующем: хотелось ли ей разгадать эту загадку?

День прошёл в той же атмосфере, что и предыдущий.

Все ждали возвращения Руслана. Даже обычно лояльная к Кате Юля молчала и постоянно поглядывала на часы.

– Заниматься пойдем?

– Ты про тренажерку?

– Да.

– Юль, у меня всё болит. Всё.

Кстати, мазь ей выдали.

– Катя, это просто хорошая регенерирующая мазь. Не подумай ничего лишнего. А то решишь, что Руслан Анатольевич... эээ... причиняет интимные травмы своим любовницам. Ты после болезни, у тебя сухость, это логично. Её можно и как смазку использовать. Она абсолютно безопасна для интимной зоны.

Катя, смущаясь, взяла тюбик. Ещё один без какой-либо маркировки. Но стоило отдать должное таинственной компании – Кате полегчало после первого же применения.

– Надо размяться. Пошли.

Юля всё-таки снова затащила её в спортзал, правда, не упорствовала, как вчера. Они больше занимались растяжкой. В итоге Кате даже понравилось.

Вечером напряжение усилилось.

Катя не находила себе места.

Как оказалось – не зря.

Она собиралась в душ. Часы показывали без пятнадцати десять, когда в дверь постучали.

– Да?

В комнату вошел Михаил. Сдержанный, безэмоциональный.

– Катерина, собирайся. Мы уезжаем.

– Куда?

– Думаю, ты знаешь.

* * *

Она не знала. Ей оставалось только догадываться.

Катя переоделась в самые теплые брюки, что нашлись в её гардеробе. Волосы собрала в косу. Никаких мыслей в голове, только машинальные движения. Наверное, так ведет себя солдат, отправляющийся на войну или опасное задание. Полностью отключить эмоции, иначе ты проиграешь бой, ещё даже не выйдя из комнаты.

Катя не верила, что её возвращают в СИЗО. На подсознательном уровне глушила эту мысль в зародыше. Она не могла знать, чем руководствовался Руслан, отдавая распоряжения, и что с ним. Ей оставалось только верить.

И ждать. Рано или поздно ей всё объяснят.

– Я готова.

Снова ночь. Снова дорога.

Катя молчала, не задавая больше вопросов Михаилу. Если бы тот был уполномочен что-либо рассказать, сказал бы. За те дни, что Катя провела у Ковалёва, она поняла, что Руслана окружают не просто люди, работающие на него за деньги. Тут было нечто иное. Как с Юлей. За её дружелюбной улыбкой и не обязывающей ни к чему болтовней скрывалась поломанная судьба и преданность на уровне животных инстинктов. Катя не сомневалась – Юля убьёт за Руслана, не задумываясь. А то, что она это умеет делать, сомневаться не приходилось.

И только когда Катя увидела серое здание полиции, ноги подкосились.

Всё.

Вот и конец.

Оставалось только спрашивать себя: почему?

Почему...

Катя взялась за ручку двери, собираясь самостоятельно выбраться из машины, когда теплая ладонь Михаила накрыла её.

– Ты куда-то собираешься, Катерина?

Девушка нахмурилась.

– Вы привезли меня к полиции, – она с недоумением и несмелой надеждой посмотрела на спокойное лицо доверенного Ковалёва. Полностью она его видеть не могла, скрывал полумрак салона.

– И что? – впервые за время их знакомства он улыбнулся, правда, уголками губ. Глаза выдавали напряженность, которую Михаил научился хорошо контролировать.

– Я подумала...

– Катя, не стоит. Иногда девушкам, особенно красивым, лучше вообще не думать.

А вот это заявление её немало удивило.

– Не думать – плохая черта. Может привести к необратимым последствиям.

– Это не твой случай. Сиди тихо, как мышка. Я буду минут через пятнадцать.

Мужчина открыл машину и скрылся. Катя безвольно откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Тихо... Тихо. Так, кажется, любил говорить Ковалёв, когда брал её? Вот эти же слова она повторяла себе сейчас сама. Не делать поспешных выводов. Не наводить панику. Просто ждать.

Пусть даже и у того места, рядом с которым никогда не желала более оказаться. Оно давило на неё. Как и на большинство граждан, потому что полиция, к сожалению, вызывала у неё двойное восприятие. Надеешься, что в случае необходимости они защитят и помогут, но и на подсознательном уровне ждешь от них подвоха.

Нет человека, который не слышал бы историй про самовольство правоохранительных органов. Кате же пришлось испытать их «заботу» и «внимание» на собственной коже. Стоило вспомнить, как Потапов лапал её, и тут же те места, к которым он прикасался, зажгло. Катя поморщилась от омерзения и незаметно для себя сжала руки в кулаки. Как же она ненавидела этого мерзавца! Сначала родители, потом и дедушка учили её относиться к людям по поступкам, как те того заслуживают. Потапов ничего, кроме омерзения, у неё не вызывал.

«...покажи мне свои трусики. Знаешь, ни разу не видел трусики на целке. Они уже высохли, Катерина? Или они у тебя ещё мокрые...»

Эти слова будут преследовать её до конца жизни. Капитан, носивший на погонах звезды, опустившийся до насилия над беззащитной девушкой.

Катя грустно улыбнулась. Тогда почему Коваль не вызывал у неё омерзения?

Она надеялась, что придет время, и Потапов получит по заслугам за все свои злодеяния. Она же наверняка не первой была. И не последней.

Катя снова вздрогнула, когда в салон нырнул Михаил.

– Поехали, – он ударил рукой по перегородке, отделяющей их от водителя.

Катя молчала. Она заметила, что поверенный Генерала вернулся с черной папкой. Что в ней – оставалось только догадываться.

– Михаил, ответьте мне лишь на один вопрос: всё хорошо?

Мужчина хмыкнул.

– С какой стороны посмотреть.

Впору было рассмеяться. И стоило спрашивать?

Они тронулись и снова куда-то поехали. Катя обхватила плечи руками и посмотрела на сопровождающего.

– Я вас понимаю, Михаил. Очень хорошо. Но вы меня злите. И мне вас хочется ударить.

Ей, наконец, удалось получить от мужчины хоть какую-то скупую эмоцию. Эта была демонстративно медленно приподнятая бровь.

– Даже так?

– Да.

– И чем же я тебя разозлил?

– Не вы. Вы – лишь часть картины. Один из её составляющих. Вам не сложно намекнуть мне, немного меня успокоить. Вы – опытный мужчина. Скорее всего, также из бывших военных. Скорее всего, спецвойска. Или ФСО. Вы сдержаны, молчаливы, идеально выполняете поручения. Скорее всего, владеете определенными техниками, позволяющими вам распознать эмоции собеседника. Жесты, мимика, положение зрачков. К чему я это говорю? Вы знаете, насколько я сильно нервничаю. Вы же поняли: я решила, что меня возвращают в СИЗО. Два последних дня заставили нас всех изрядно понервничать. Кого-то в большей степени, кого-то – в меньшей. Я – самое слабое звено. Ничего не знаю – раз. Без положения на будущее – два. Я не говорю, что меня надо жалеть. Меня жалеть не надо. Жалость от мужчины – неправильно. Тем более, от малознакомого и бывшего офицера. Хотя вы можете и не быть бывшим, тут я могу просчитаться. Я не анализировала вас. Не было необходимости. Но мы не на войне, чтобы я вызывала жалость у офицера.

– Катя, мы постоянно воюем. Каждый день. Помни об этом. Не забывай никогда. Твоя речь произвела на меня желаемый эффект.

Катя приготовилась услышать продолжение, которого не последовало. Михаил интонацией дал понять, что на этом их диалог закончен.

Что ж, она, по крайней мере, сделала попытку.

Катя продолжила начатое – не спускала взгляда с Михаила. Говорят, что когда долго смотришь на человека, тому становится не по себе. Не тот случай. Михаил спокойно выдерживал её взгляд, лишь пару раз она заметила, как дрогнули уголки его губ, точно он пытался сдержать ухмылку.

Ему, мать вашу, весело!

Замечательно.

Девушка притормозила себя. Если Михаил больше не нервничал, то и ей не стоило.

Правда же?

От осознания собственной недальновидности Катя поразилась. Ей давно пора было заметить, что сопровождающий расслабился, пропала напряженность и острая, колющая настороженность во взгляде.

Ехали они долго. Катя даже умудрилась несколько раз проваливаться в небольшие сны, выныривая каждый раз с легким испугом.

– Михаил, куда вы меня везете? – она не выдержала в очередной раз.

– Мы почти приехали.

Брови Кати поползли кверху. Неужели ей ответили?

И тут же следом холодная волна прошла по телу. А так ли хочет она узнать пункт своего назначения?

Спустя несколько минут Катя сделала для себя ещё одно открытие – машина, в которой её везли, оказалась с шумоизоляцией. Они остановились, Михаил привстал и открыл дверцу, которая послушно отъехала в сторону. На Катю сразу же обрушились не встречающиеся ранее в её жизни звуки. Но она их часто слышала по телевизору.

Рядом работал двигатель вертолета.

– Михаил, черт побери, если вы мне сейчас...

– Катя, не кипешуй. И прекрати, наконец, нервничать. Генерал не любит нервных баб.

Кате захотелось закричать, что ей плевать на то, что любит, а что не любит Генерал. Она хочет получить ответы на свои вопросы. Неужели так сложно дать ответы? Зачем нервировать её? Пугать молчаливостью?

Стиснув зубы, сжав ладони в кулаки, не замечая, как отросшие ногти впиваются в нежную кожу ладоней, Катя вышла из машины, проигнорировав руку Михаила.

Девушку привезли в аэропорт. Она никогда ранее не летала и плохо представляла, как работает аэропорт, но чтобы сразу на взлетную полосу... Такое она видела только в фильмах.

Наступила глубокая ночь. Небо заволокло тучами, и промозглый ветер мгновенно добрался до кожи Кати. Та поежилась и обхватила плечи руками. То, что с ней происходило, ей очень сильно не нравилось.

Куда её собираются везти? Зачем...

Ни о каком паспортном контроле не могло идти речи. В области груди Кати разрасталось ядовитое облако протеста. Она никуда не хотела лететь! Что задумали люди, собравшиеся вокруг неё? Кто им дал право...

И тут же оборвала себя.

Она сама дала.

И не только право решать за нее.

Злость уже на себя хлестнула Катю по спине, разрывая кожу в лохмотья. Она даже спину выпрямила, словно от фантомной боли.

Ничего... Ничего... Коваль обещал ей определенность, и если для этого ей придется устроить конец света, она это сделает.

Было страшно и очень непривычно. Михаил проводил её к трапу и помог взобраться. Сам сел рядом.

– Пристегнись, – сказал он, но, заметив суетливость Кати, всё сделал сам.

Как только его руки коснулись талии Кати, девушка задержала дыхание. Она не моргая смотрела на эти руки. Большие, жилистые, с выступающими венами. Обычные руки, ничем не отличающиеся от сотни других, которые ранее, до аварии, разделившей её жизнь на два полиса, Катя видела в жизни, но никогда не обращала внимания. У всех есть руки.

Сейчас же они интуитивно воспринимались ей как угроза. Как инструмент, способный причинить ей боль. Смять, ворваться, сжать, растянуть. Умом она понимала: Михаил её не тронет. Не посмеет. У него четкая установка.

Наверное...

И вот это «наверное» выворачивало её внутренности наизнанку, вызывая тошноту и животный, с трудом контролируемый страх. Катя впервые столкнулась с проявлением новой в её жизни фобии.

У Михаила были обычные руки. Хотя нет. В них чувствовалась сила. Руки, способные не только держать вилку в руках. С легкими ссадинами, с выпирающими в некоторых местах костяшками, покрытые небольшими светлыми волосами.

– Катерина?

Было бы странно, если бы Михаил не заметил её ступора.

Катя мотнула головой, не в силах что-либо сказать.

Щелкнула металлическая застежка на ремне безопасности, и от Кати убрали руки.

Теперь можно свободно дышать. Только ком в горле не давал этого делать. Хотелось снова заплакать, горько, навзрыд, по-бабьи.

Что с ней сделали? Во что превратили? Неужели ей уготована участь жертвы?

Нет!!!

Катя не согласна.

Девушка с такой силой сжала зубы, что послышался неприятный скрежет.

Не дождутся.

Она не сломается. Она выживет. Она станет сильной.

Катя сцепила руки впереди себя. Больше никаких вопросов, расспросов. Ей всё и так скажут.

Они начали взлетать, и всё же Катю немного повело, появилось головокружение. Она прикрыла глаза. В идеале бы поспать. К сожалению, вряд ли, получится.

Всё же она ошиблась, и её сморило. Проснулась от легкого прикосновения к плечу.

– Катерина, мы прилетели. Просыпайся.

Она вздрогнула и, уже по выработавшейся, к сожалению, за последние недели привычке, сразу окунулась в действительность. Самолет. Михаил. И неизвестная

местность.

Проведя рукой по лицу и сгоняя остатки некрепкого сна, Катя кивнула.

– Хорошо.

– Нормально перенесла перелет? Не тошнит?

– Нормально.

Разговаривать не хотелось. Ни с кем.

Если и хотелось, то матом. Лаконично, с душой.

– Может, воды?

– Ничего не хочу, Михаил.

Какое-то странное равнодушие напало на Катю. Она пока ничего не могла изменить, зачем тягаться?

Михаил, нахмурившись, кивнул. Вот и правильно, не стоит настаивать.

Они направились к выходу, и, когда Катя ступила на трап, холодный промозглый ветер обрушился на неё, заставив отступить назад. Такого она не ожидала.

– Где мы...

Это был не вопрос.

– Рядом Тихий океан, поэтому так и холодно. Накинь.

Михаил предусмотрел всё. И теплая куртка, в которую сразу же закуталась Катя, оказалась, как нельзя кстати.

Прийти в себя девушке не дали. Помогли спуститься, посадили в черную машину с наглухо тонированными стеклами и куда-то снова повезли.

– Мы хотя бы в России? – негромко, почти не размыкая губ, всё же спросила Катя.

– Да.

Хоть что-то.

Катя не смотрела в окно. Ни к чему. Сердце ритмично билось, отдаваясь неясным шумом в ушах. Приехали они быстро, прошло не более десяти минут, но лишь некоторое время спустя, Катя сможет понять, что она считала секунды. Дверь открыл тот же Михаил, на которого она в этот раз даже не посмотрела.

Ещё один особняк. Монолитный, большой. И немного холодный. Так показалось Кате. Расположенный на возвышенности, и... прямо рядом с океаном.

С ума сойти.

Она подобное видела только на картинках. Правда, дома располагались в более теплых местах.

– Руслан ждет.

Он, черт побери, ждет...

Как мило.

На Катю снова нахлынула волна цинизма. Горько на душе стало.

Противно.

Выпрямив спину, Катя пошла в сторону двери, не обращая больше внимания ни на захватывающие виды, ни на саму обстановку вокруг.

Ей бы выдержать...

Совсем чуть-чуть.

Не сорваться.

Не послать Ковалья на три русских буквы. Не испортить всё.

Коваль – он такой. Доминант в чистом виде. Прогибает всех вокруг под себя, сам при этом не под кого не подстраиваясь.

А она, собственно, чего хотела? От него.

Катя, Катя, не будь наивной душой...

Жизнь тебя учит, учит, а ты ещё во что-то веришь.

Её проводили в большой кабинет с массивной деревянной мебелью. На неё Катя зачем-то обратила внимание. Мимолетно. Может, оттого, что мебель идеально подходила хозяину?

Руслан, и правда, Катю уже ждал. Стоял у большого окна, расставив ноги по ширине плеч.

Он слышал, как она входила. Не мог не слышать с его-то способностями и звериным чутьем. Значит, именно так запланировал встречать.

Отчего-то Кате вспомнилась их первая встреча в СИЗО. Было что-то схожее. Атмосфера, по крайней мере, такая же – давящая.

– На столе папка. Просмотри.

Катя, чертыхаясь и мысленно костеря Генерала, прошла к столу. Не может он по-нормальному... Солдафон, и этим всё сказано.

Или не считает нужным.

Папка была тоже черной. Уж не та ли, что держал в руках Михаил? Но как она могла оказаться у Руслана?

Катя не стала вдаваться в подробности. Ей какой дело?

Она, ничего не говоря, открыла папку.

Внутри лежал один лист формата А4. Нехорошее предчувствие полоснуло Катю. Не смотреть? Она психанула: хватит малодушничать! Хватит!

Лучше бы не смотрела.

Потому что, стоило опустить взгляд и вчитаться, мир поплыл перед глазами Кати.

Глава 3

РУСЛАН

Генерала снова проверяли на прочность.

Он знал, что некоторые не пожелают принять меняющуюся реальность. Найдут прореху в его броне и попытаются вывести его из игры.

Что ж, их ждал сюрприз.

Они выбрали не то направление.

Вспомнили, сволочи, какой он устроил треш в прошлую годовщину смерти Лизы. Руслан хищно усмехнулся. Кое у кого головы полетели вполне заслуженно. А не хрен было к нему соваться в ТОТ день. Ровно год назад к нему в его – ЕГО, мать вашу, – дом заявила целая делегация. С вооруженными бойцами. Ага, для разговора.

Что ж, поговорили.

Кто-то извлек урок, кто-то – нет.

До уродов в погонах и до тех, кто ездит на машинах с определенными номерами, никак не дойдет, что он делиться ничем не будет. И что лучше прогнуться им. Потому что колоду уже перетасовали.

Ковалю сообщали всё.

Ошибкой тех, кто занимал кресла, было то, что они решили, будто он станет делиться.

Нет.

Саравия дала ему большие возможности. И сейчас речь шла не о деньгах. Совсем не о них, родненьких.

Те, кто был вместе с Ковалем в Саравии, с ним и остались. Жаль, что не всех удалось спасти, вывести из-под огня. Та же Юля сильно пострадала. Руслан предлагал ей отойти от дел.

– Я с тобой, товарищ генерал, – негромко ответила она и грустно улыбнулась. – До конца.

Эти слова она произнесла на больничной койке, когда уже стало известно, что муж бросил её. У Руслана руки чесались встретиться с ним и поговорить лично. Юля достаточно хорошо знала своего начальника, поэтому почти незаметно покачала головой. Руслан её услышал.

Саравия...

Он снова хотел приехать в эту старую страну. С невероятными запахами, узкими улочками, непостижимым колоритом древности. В ту, что была до войны. И он приедет, чуть позже. Возможно, даже не один.

Люди, что выдернули его накануне из дома, ожидали от него нового выплеска ярости. Окружение знало: для Коваля дата смерти дочери священна. И всё же они пошли на провокацию. Ожидаемо. Каждый, кто у власти, жаждал получить ещё больший кусок.

Ночь закончилась встречей с Президентом.

– Руслан Анатольевич, придется подождать ещё пару месяцев. Пресса должна замолчать, успокоиться.

Руслан кивнул.

Пара месяцев его устроит. Он настраивался на больший срок.

Они с Президентом поняли друг друга.

– До скорой встречи.

– И вам всего хорошего, Руслан Анатольевич.

Руслан вышел из кабинета и сразу же набрал Михаила.

– Хочу её видеть.

В пустом коридоре не было посторонних ушей. По крайней мере, не в то время, когда он встречался с главой государства.

Дела – решены.

Ему требовалось тепло Воробушка. Неожиданный факт. Не видел девочку сутки, а его скрутило от потребности снова побывать в ней. Втянуть в себя непередаваемый запах её кожи – чистоты и невинности. Испачкать ее своей спермой, как клеймом. У Руслана даже пальцы закололо от предвкушения. Он хотел посмотреть на неё. На готовую, ждущую его. И продолжить, черт побери, то, на чем их прервали!

Он оголодал. Шёл по коридору, накручивая себя по беспределу. Как всегда, адреналин, ненасытный, жестокий, требовал выплеска. На горизонте замаячила эффектная брюнетка с длинными ногами и торчащей грудью. Конечно же, чистое совпадение. В два часа ночи молодой бабе нечего делать, как только расхаживать по коридорам. А, может, кто подберет, да? И попой вон как виляет.

Знали товарищи, что ему требуется.

Только обломались немного.

Не завела. Не привлекла. Хотя сто процентов умная, вышколенная по самое «не могу» профессионалка, что обработает Руслана, как тому надо и куда надо.

– Добрый вечер.

И глазками стреляет призывно.

– Привет.

Сказал и прошёл мимо. Не до неё.

Воробушка хотел. До ломоты в яйцах. Как вспоминал её в распахнутом халате на голое тело, так зубы сводило. К херам! Пусть только попробует его послушаться и хотя бы раз из спальни выйти без белья. Разложит на коленке и отшлепает. Сильно. До красноты. Воображение паскудно предоставило картину Катиной розовой попы. По позвоночнику прошла огненная волна, и штаны окончательно стали тесными. Что за млядство! Никогда ни одну девочку не хотел с такой силой. Брал, с легкостью меняя на другую. Не было проблем. Ни к одной не прикипал душой.

Руслан толкнул дверь и, проигнорировав лифт, устремился к лестнице, на ходу развязывая галстук-удавку. Ненавидел их, как и большинство мужиков. Говорят, женщины так же не любят лифчики. Похер на лифчики, главное, что под ними.

Пролет. Ещё один пролет.

Где-то наверху за ним наблюдали. Возможно, та же брюнеточка, работающая в ФСБ. Имелись и такие. Только уже поздно, деточка.

Для всех.

А для него?

Он спустился на первый этаж.

К черту этот прогнивший город с его повсеместными глазами. Он хотел свободы. Немного хотя бы.

Да и Лиза любила их дом на берегу океана.

Воробушку он тоже понравится.

Генерал вышел из здания и снова набрал номер, уже другой, распорядившись, чтобы готовили вертолет.

Суки не позволили ему помянуть дочь, что ж... Он устроит им небольшие неприятности. Пусть думают, что конкретно на этот раз он затеял. И какое решение в итоге примет.

Лиза.

Думать о ней Руслан мог себе позволить только, когда поднялся в воздух. Выпил несколько рюмок водки. От закусок отказался.

– Покойся с миром, дочка.

Ублюдки, что наравне с ним повинны в смерти Лизы, тоже покоятся. Не с миром, это точно.

Руслан чуть сдвинул кожаный браслет на одной руке и дотронулся до тонких шрамов. Они не причиняли ему боли, никак не беспокоили. Лишь фантомная боль разрывала грудь ночами.

Руслан помнил, как впервые увидел дочь.

Его вызвал комендант училища и хмуро сказал, что приехала неотложка. Именно к нему.

Первая мысль – с отцом случилась беда.

Руслан рванул к воротам так, как не бегал никогда. В те секунды весь мир промелькнул перед глазами, и он впервые прочувствовал то жгущее, рвущее на части ощущение, когда не успеваешь совсем чуть-чуть, передвигаешь ноги, а они словно деревянные. Не хватает секунды... мгновения...

И каково же было его удивление, когда он увидел Наташку. Симонова, кажется, у неё фамилия? Они кутили в его увольнительные. Несколько встреч, дикий, жесткий трах. Они и не разговаривали толком. Она взяла у него в рот за верандой кафешки. Встала на колени и сделала шикарный минет. Что ещё надо молодому парню? Трахаться им нравилось, и она никогда не ждала от него никаких обязательств. Он благодарил, как умел и мог. Сводил на рынок, приодел девочку. Купил цветы. Она верещала от счастья.

Только какого черта она делала у ворот его училища да ещё на неотложке?

– Наташ? – он недовольно зыркнул на неё. Офицеры не погладят его по голове, это точно.

Выглядела она откровенно фигово. И шла к нему как-то странно, держась за низ живота. Заболела?

Руслан быстро прикинул, сколько у него денег имелось. На лекарства хватит. Если надо, у парней свистнет и на операцию. Мало ли что.

– Привет, Рус.

Она замялась. Посмотрела на него виновато.

А вот это хреново.

Руслан напрягся.

Чего-то он не улавливал. Не догонял.

– Наташ, ты какими...

– Эй, давай быстрее. Она есть уже хочет! Кормить пора! – дверь неотложки открылась с пассажирской стороны, и показалось красное лицо немолодой женщины в синем комбинезоне.

– Сейчас... Я...

Наташка обернулась, потом выругалась, метнулась, всё ещё придерживая рукой живот, который, кстати, был немного неестественным большим, сдутым каким-то, Руслан помнил, что у неё он был плоским, а тут...

Когда Наташке передали сверток с молчаливым младенцем, Руслан выпрямил спину.

– Вот, Рус, – она подошла к нему и протянула ребенка. Новорожденного. Со сморщенным личиком, прикрытым застиранной пеленкой с заштопанными дырками. – Это твой.

– Ты чё сдурела?! – прорычал он, борясь с желанием встряхнуть дуру, чтобы та пришла в себя и не несла ахинею.

Но интуитивно Коваль знал – она говорит правду. По глазам видел.

– Коваль, в общем, так. Я родила. Отца у меня нет. Мать пьет. Воспитывать её я не буду. Нужен тебе – привезла. Нет – я пишу отказ. И её в детдом. Ответ нужен сейчас. Я и так еле уговорила этих, – кивок на санитаров, – приехать сюда.

Руслан принял решение.

Не колеблясь.

Реакция в училище была... интересной.

Высшее командование его поддержало. Как ни странно.

Отец тоже.

– Будем воспитывать, раз мать – кукушка.

Это было... феерично.

Особенными оказались первые месяцы. Курсант с грудничком. Им даже комнату в городке выделили. Отец жил у него первые недели. Потом нанял женщину.

Но в основном Руслан сам. Не спал, укачивал, учил конспекты, готовил смеси. По девкам бегал налетами. Не мог без них, никак. И сразу к дочке.

– Как назвала? – это был единственный вопрос, который он тогда задал Наташке.

Кукушка пожала плечами.

– Девочка. Ребенок. Никак, в общем.

Имя возникло сразу. Пока он держал её на руках под шум отъезжающей машины неотложки.

Елизавета.

Коваль Елизавета Руслановна.

Шикарно звучало.

Парни стебались, предлагали взять ему «академический». Правда, после того, как было выбито несколько зубов, стеб прекратился. Другие же ребята, наоборот, помогали. Памперсы покупали, бутылочки, смеси. С ним вместе укачивали. Подменяли, когда он уходил дежурить. Руслан помнил всех.

Потом нашёл каждого. Почти все они приняли его благодарность, и девяносто процентов тех ребят сейчас жили на его территории.

А в те годы было весело...

Для него дочка стала всем. Это потом он узнает, что отец заказывал тест ДНК, и результат пришел положительный. Сам же Руслан не сомневался.

Было трудно. Очень. Кто же спорит.

Молодой парень, да по казармам, да с маленьким ребенком. Чего греха таить, пользовался иногда женской щепетильностью.

«Ах, ты воспитываешь дочку один?».

Какая тут женщина не пожалеет.

А ему не до баб было.

Не до любви и семейных ценностей – так точно.

Вернее, у него уже была семья. Отец, Лиза, он. Всё. Остальные лишние.

Лизе давал только самое лучшее, порой на последние деньги. Лучшие платные сады, где она могла при необходимости и жить. Лучшие школы-интернаты. При первой же возможности забирал её к себе, и тогда они долго гуляли, часами разговаривали. Вернее, щебетала Лиза, а он её слушал. Про разбитые колени, про мальчика, которому он грозился оторвать руки за то, что тот слишком сильно дернул Лизку за косы, и та расплакалась. Сам же в душе усмехался: и над мальцом, что действовал открыто, проявляя симпатии, и над Лизой, что росла у него красавицей с пшеничными волосами. Мать вашу, он даже косички ей плел. Генерал плел косички. Дааа, знатно у него получалось.

Лиза росла идеальным ребенком. С железным стержнем внутри.

Когда Руслан достиг высот, денег, положения, к нему заявила Наташа. Он предвидел, что рано или поздно эта тварь – а другого слова для женщины,

бросившей ребенка, у него не было, – появится на пороге.

Появилась.

Встретила её Лиза.

Он хотел прервать разговор, потом передумал.

Волновался. Сжимал кулаки, ярился.

Но дождался окончания разговора.

И лишь когда увидел, что Наталья покидает их дом, матерясь и что-то бормоча, спустился вниз.

Посмотрел на Лизу. Она же ещё ребенок... Крошка. Четырнадцать лет. Нет ничего.

Его дочь... Хрен он кому её отдаст, понятно?

Порвет голыми руками, вырвет глотку.

Он мог.

Она стояла с прямой спиной и почти равнодушно смотрела, как незнакомая ей женщина уходит прочь.

– Лиза...

– У меня нет матери, папа. У меня есть ты.

Она развернулась, бросилась в его объятия и уже потом разрыдалась.

Когда успокоилась, Руслан всё же поинтересовался:

– Я могу её вернуть. Хочешь?

– Руслана Анатольевич, я тебя очень прошу, не поднимай больше эту тему. Я всё сказала. И выбор сделала.

Да, Лиза была его дочкой.

Красивой девочкой, обещающей вырасти в сногшибательную красавицу. Он шутил с мужиками, что уже готовит оружейную, прикупает оружие, винтовки разные, стилеты, чтобы женихов нерадивых отгонять от дочки.

Руслан посмотрел в иллюминатор. Ночь и темное небо с мелькающими огнями больших городов.

Не выдержал и снова дотронулся до кисти.

А потом у него забрали Лизу.

Он же ничего не смог предпринять.

А ведь, сука, видел, что вокруг него что-то происходит. Ещё до поездки в Саравию... До того, как они нашли тот город...

Чувствовал. Кожей. Уже не просто внутренним зрением.

За ним присматривали последние годы. «Присматривали» и «присматриваться» – понятия совершенно разные.

Как только Руслан пошёл на повышение, начал играть в свои игры, им заинтересовались. Да, в тридцать восемь так просто генералами не становятся, но это он уже, кажется, повторяется.

А потом случилась Саравия. Геополитические игры ставили новые задачи, и Коваль взялся их выполнять. Ему было интересно. Он рвался в бой, вперед. Как и его бойцы. Деньги сулили хорошие.

Руслан соскучился по Лизке. Разговаривать каждый день на расстоянии – не то, да и не каждый день получалось. Он пригласил её к себе. А она с загоревшимися глазами согласилась.

Его Лиза любила Восток. Увлекалась историей, говорила, что вырастит и надолго уедет в эти края, чтобы изучать их. Руслан пока молчал. Про её будущее рано говорить. Пусть ещё немного побудет девочкой.

Хотя он уже видел, как на неё заглядываются парни. Коваль каждый раз медленно закипал. Хорошо, что заглядывались на расстоянии, иначе... Только через его проверку.

Лиза, кстати, лояльно относилась к присмотру. Знала, что рядом с ней всегда парни отца.

– Я – дочь Генерала, – как-то заявила она за завтраком.

Руслан усмехнулся.

– Я пока только подпол.

– Генерал-Генерал, – продолжила она с лихой задоринкой в глазах. – А я генеральская дочка.

Они оба поняли, о чем она.

Лиза влюбилась в Саравию.

– Папа, тут нереально круто! – сказала она, стоя на горной возвышенности и разводя в стороны руки. – Я хочу тут остаться! Я хочу тут облазить всё! Папа, можно задержусь на пару деньков, а?

Он позволил.

А зря.

Потому что в тот же вечер его ребята подойдут слишком близко к затерянному городу...

А ещё через неделю его самого, избитого, находящегося на грани безумия, с руками по локоть в крови – и это отнюдь не метафора, – выводили на свет солнечный из саравийских пещер, где вначале держали, а потом он уже сам не желал выбираться, потому что ещё не всех нашел.

В этот же вечер рядом с его палаткой остановится пуленепробиваемый автомобиль неизвестной модели, и с заднего сиденья спустится мужчина лет семидесяти пяти – восьмидесяти. Старик, от вида которого у Коваля, который, казалось, за эту неделю испытал весь спектр эмоций, пропадет на пару секунд дар речи.

Не может быть...

Или может быть всё в этом проклятом Богом месте? На выжженной земле, где столетиями лилась кровь.

Для чего его, Коваля, сюда занесло? Чтобы всё потерять? Самое дорогое, что у него было?

Коваля шатало. Он не выпил ни рюмки, а его ноги не держали.

Когда машина остановилась, он вышел.

Чтобы взглянуть в морщинистое лицо и в глаза цвета плавленной стали.

– Отомстить хочешь?

Именно с этого вопроса начался их диалог.

Ни с приветствия.

Ни со всматривания друг в друга.

– Хочу, – был ответ Ковалья.

На том и порешили.

Там, среди засыпающего жгучего солнца, что красным сиянием прошло по высушенной земле...

Руслан вынырнул из воспоминаний.

Сегодня можно...

Завтра уже не стоит. Хотелось напиться, чтобы забыться. Уснуть прямо за столом или там, где он окажется в тот момент. Плевать. Иногда Коваль сожалел, что не умел терять над собой контроль, не умел полностью расслабляться, чтобы мозг отключался.

Тут Руслан усмехнулся.

Почему же не мог, мужик? Пару дней назад уснул с Воробушком, да так крепко, что сам не ожидал. И не помнил, когда провалился в сон без сновидений. Прижал к себе её дурманящее, сладкое тело, ещё носившее следы его любви и прикосновений, втянул в себя легкий аромат её кожи и уснул, не выпуская из объятий. Кто из них первым уснул – вопрос открытый.

Но ему было хорошо. Спокойно.

Даже странно.

Он не особо любил спать с женщинами в одной постели. Мог, но точно не сжимал в объятиях и не позволял распластаться на груди. С Воробушком с первой же ночи было иначе.

Коваль всегда прислушивался к себе, к ощущениям. Они важны. Дураки те, кто отнекиваются от них, считая блажью. Нет. Как только человек выучит себя, жизнь становится проще. Ты точно знаешь, чего хочешь, а чего нет. Меньше совершаешь ошибок.

Руслан хотел Катю.

И уже не только физически.

Она странным образом на него действовала. Успокаивала внутри него зверя, что само по себе было поразительным.

Он жалел её. Именно его зверь, которому всегда в сексе надо было больше, жестче. Драть, чтобы девочка повизгивала от боли и удовольствия, от полного подчинения ему, от глубинного осознания того, что ей уже с него не соскочить. Он не позволит.

А Катю его зверь пожалел. Еще там, в первую их ночь, в камере, на жесткой койке. Мог трахать всю ночь, так, что она потом и ног бы не могла свести, и её потом в прямом смысле увели бы тогда от него. И всё было бы ок. На следующую ночь привели бы другую, которую Руслан также бы крутил-вертел.

Про Катю вспомнил бы, помог, адвоката дал. Всё.

Нет же, сука, что-то пошло не по тому пути.

Руслан даже был рад.

Хотя рад – не то слово. Он принял Катю в себе. Он хотел видеть её рядом. Значит, так будет. В его постели. В его доме. Там, где будет он.

Это не обсуждалось.

Руслан откинулся на спинку и прикрыл глаза.

Документы уже были готовы, ему доложили. Иначе и быть не могло.

Воробушек. Нежная. Ласковая. С виду скромная и покорная. Только хренушки – у неё стальной стержень внутри. Она его в себе ещё не обнаружила, тушует. Ничего, её время придет. Пока что она нравилась Руслану такой. Ему интересно было наблюдать, как она раскрывается.

Миша привезет её к нему.

А вот мысль, что она будет находиться наедине с его человеком, Руслану не понравилась.

И это тоже было интересно.

Глава 4

РУСЛАН

От Воробушка снова повеяло океаном. Когда встречается океан с океаном, что происходит?

К черту лирику!

Руслан и так её слишком долго ждал. Какого он вообще её оставляет?! С ним должна быть! Рядом!

Она подняла на него глаза – растерянные, бездомные, а его сильнее скрутило от вида её беззащитности, нежности. Какая же она... другая. Априори.

– Что это?..

Она продолжала держать свидетельство о смерти. Её.

– Ты всё поняла, Катя.

Он выдвинулся в её сторону. Девочка ошарашена, но лучше так. Иногда следует применять кардинальные меры. Переболит, и всё. Чем позволять гнойному заражению распространяться и мучить месяцами.

Воробушек моргнула, потом ещё раз. Побледнела, маленькая. У него в груди образовалось тепло, ноющее, беспощадное. И к себе, и к окружающим.

– Руслан, что за...

Она снова не договорила, положила свидетельство на стол. Её грудь ритмично поднималась и опускалась, невольно привлекая к себе внимание. Катя пыталась справиться с эмоциями, не сорваться. Даже Руслана иногда поражала её выдержка.

Только нахождение в постоянной стрессовой ситуации – не лучшее подспорье для психики. Так недолго и до негативного исхода.

Лучше с ним пусть выплеснет всё, чем держит в себе. К тому же, ему тоже сейчас не до китайских церемоний.

– Так надо.

– Так надо? – выдохнула она и ещё глубже задышала, сжав руки в кулачки. А вот это что-то новенькое.

Внутренний зверь Коваля довольно заурчал. Ему нравились эмоции Кати, хотелось её выплеска, её настоящую. Когда она перестанет сдерживаться, даст почувствовать себя всю.

Он приблизился к ней, медленно, создавая иллюзию выбора, возможности отпрянуть, убежать, протянул руку и обхватил шею сзади. Их разделяло ничтожно малое расстояние, он уже чувствовал, как на его кожа осязает её запах, чувствовал легкое дыхание, которое ему не терпелось заполнить.

Катя, дрожа всем телом, выставила руки вперед, уперлась ими в его грудь, пытаясь вырваться из захвата.

– Руслан, пусти.

– Зачем, Воробушек? Я соскучился.

– Нам надо поговорить, – она ещё сильнее задрожала, вызвав у него непреодолимое желание эту дрожь поглотить. Растворить в своем теле.

– Потом поговорим.

– Нет, – она ещё продолжала сопротивляться. – Нет, я говорю! Сейчас!

Он притянул её к себе, прижав плотно. Приглушенно застонал, когда её грудь расплющилась о его. Руслан по привычке скинул лишнюю одежду, оставив лишь майку-борцовку. Привык с училища, да и движения не сковывала.

Катя не желала слушаться. Впервые за всё время, что он её знал. Если, конечно, не считать ту экспрессивную выходку с трусиками, которыми она в него кинула. Воробушек, несмотря на то, что он её придерживал, продолжила сопротивляться. Забилась, сильнее уперлась руками, стараясь вырваться.

– Потом, – ещё раз сказал он, сделав акцент голосом.

Катя не услышала.

– Нет! Какое, к черту, потом, Коваль? Какое свидетельство о смерти? Ты с ума сошел! Ты не имел право! Пусти же меня! Да пусти...

Она ударила его кулаком в плечо. Назревала истерика.

Руслан быстро сместил руку, захватил затылок Кати и впился губами в её сладкие губы.

Вот он – кайф чистой воды. Поцелуй с Воробушком. Её губы сминать, трогать, подчинять. Он хотел её целовать. Именно хотел! Смотрел на её чуть полноватые губы, такие розовые, не тронутые помадой, и сходил с ума. Они притягивали, манили. Стоило посмотреть на Катю, и сразу же акцент смещался на губы. Нереальная тяга только раззадоривала Генерала. Ему нравилось, что этой девочке удалось в нем разбудить то, что дремало все эти годы.

Тягу к женщине.

Коваль не гнал влечение, напротив, так же пробовал его на вкус, примерял к себе.

Почему бы и нет?

Он не помнил, чтобы ему нравилась хотя бы одна девушка до такой степени, как Катерина. Сейчас она сопротивлялась, отталкивала его, губы сжала с силой, не позволяя языку проникнуть сквозь них. Поздно, маленькая! В СИЗО надо было ерепениться, дурь свою показывать.

А ты решила сейчас характер показать.

Характер её он и оценил. Сильный. Волевой. То, что надо.

Тело, плюс характер, плюс его тяга к ней – идеальное сочетание для Генерала Коваля.

Вкусное.

Он с легкостью преодолевал её сопротивление, не обращая внимания на её выверты. Свободной рукой перехватил одну её руку, которой она сначала била его по плечу, а потом пыталась достать до лица. Завел за спину, обездвигив. Вторая рука Кати оказалась зажатой между их телами, она пыталась освободить её, но ничего не выходило.

Девушка замычала ему в губы и вдруг приоткрыла рот.

Быстро же ты сдалась, маленькая.

Он с глухим стоном проник внутрь её рта и неожиданно почувствовал, как её зубы впиваются в его язык и губу, прикусывая. Причем не ради того, чтобы остановить его, сделать предупредительный выстрел, а именно с силой, желая причинить ему вред.

Зверь Коваля мысленно взвыл, и это был вопль восторга! Воробушек добилась совершенно иного результата.

Привкус крови во рту заставил её замереть. Она оказалась не готовой к вредительству другому человеку. Руслан же усилил напор, чуть сильнее завел руку ей за спину, заставив невольно прогнуться, вывести бедра вперед. Чтобы её бедра соприкоснулись с его, чтобы он имел возможность дать ей увидеть, насколько сильно она его возбуждает, что у него давно стоит, да так, что сил терпеть оставалось всё меньше и меньше.

Катя снова замычала, дернулась.

На этот раз он отпустил.

Но лишь её губы. И затылок, и руку продолжил удерживать.

Она смотрела ему в лицо, рвано дыша. Губы приоткрытые, поблескивали от его жадных ласк. На нижней виднелся легкий кровавый росчерк.

Её глаза тоже как океан. Со своими тайнами, неразгаданными сюжетами.

Как же ему хотелось забраться в эту умненькую головку, обосноваться там окончательно и бесповоротно.

Но пока хотя бы её тело получить.

– Ты не имел права, Руслан, – тихо, но с глубинным внутренним надрывом произнесла она, глядя на его подбородок и губы, на которых размазалась его кровь.

– Ты сама вверила свою судьбу мне, – жестко бросил он, разрушая последние иллюзии. Пусть сразу принимает изменившуюся действительность.

– Я не согласна...

– Поздно Воробушек.

– Нет!

– Да...

Последнее слово он прорычал. Ему осточертели разговоры. Не сейчас так точно! Позже он всё разжует ей, разложит по полочкам.

Сейчас пусть даст себя.

Он намеренно говорил жестко, провоцируя её на дальнейший взрыв.

Долго ждать не пришлось.

Свободная рука взметнулась в воздухе, нацеленная на его лицо. Как же женщины непредсказуемы! Чуть что – пощечину норовят залепить или же вцепиться ногтями в кожу, разодрать, пометить, наивно полагая, что тем самым унижат или остановят мужчину.

Со многими подобное, может, и проходило.

Но не с ним.

Резкий поворот, и Катя, вскрикнув, оказывается прижатой спиной к его груди, а захват с затылка перемещается на её горло. Руслан не сдавливал его, ни в коей мере. Просто обездвигил Катю, чтобы та не навредила себе.

– Ноготки – лишнее, маленькая. Я дам тебе возможность оставить росчерк на моей спине... чуть позже...

Они стояли рядом со столом, и, легко подтолкнув Катю за бедра, он заставил её едва ли не упасть на стол.

– Нет! Коваль, я против... Я не хочу...

Её протест оборвался, когда он взял её подбородок, повернул к себе и снова набросился на её губы, одновременно пробираясь под кофту, нашел грудь, сразу же стащил лифчик вниз, не обращая внимания на потрескивание ткани и кружева, и, добравшись до соска, сжал его. Вот он – его прелесть, его вишенка, по которой он соскучился.

Катя снова попыталась его укусить, но у неё ничего не вышло. Он действовал на опережение.

Вторгся языком и принялся интенсивно исследовать, ласкать, урча от удовольствия. От ощущения власти над девочкой. Над её телом. Это дурманило голову похлеще любого алкоголя.

Воробушек стала его личным афродизиак.

* * *

Катя не верила в происходящее.

Что бы с ней ни случилось за последнее время, ей удавалось балансировать на краю. Не сорваться в пропасть, не полететь в пустоту.

К чему она совершенно оказалась не готовой – к собственной смерти.

Как человек должен реагировать, держа в руках документ, подтверждающий, что тебя нет? Что тебя стерли. Вычеркнули из реальности.

Естественно, у неё случился срыв. Истерика всё же подобралась слишком близко, и Катя не могла уже воспринимать происходящее адекватно, не могла реагировать сдержанно, контролировать себя.

И когда Коваль обнял её, притянул к себе, явно настроенный на секс, она взорвалась. Она билась в его руках, даже не осознавая, насколько ничтожны её шансы. Ей было плевать! Впервые с их чертовой встречи в коридоре ментовки, она начхала на предосторожность. Ей хотелось царапаться и кусаться!

Его кровь на долю секунды отрезвила её. Как-никак, Катя никогда не причиняла никому физического вреда.

А тут...

Естественно, Ковалю её жалкая попытка даже не задержала. Эта сволочь продолжала гнуть свою линию. Сжал, полез целоваться дальше. Держал крепко, страстно.

А она что? Она продолжала сопротивляться ровно до того момента, как он прижал её к себе спиной и добрался до груди, сжал сосок.

Тело Кати прострельнуло. Иначе и не скажешь. Словно молнией пронзило, причем сразу всё. Такая у неё возникла болезненная ассоциация с тем, что начало происходить дальше.

Ненормальная.

Неправильная.

Появилась незнакомая вибрация, перед глазами все поплыло. Ей бы сопротивляться, а энергия трансформировалась в нечто другое, совершенно непонятное. Пружина, что сдавливала последние недели, сорвалась.

Нечто в сознании Кати сместилось, озарившись вспышкой. Ярость, что душила девушку, переросла в сексуальную агрессию. Поцелуй Ковалю она приняла, более того, вступила в неравную схватку с ним, сплетая языки, толкаясь и пытаясь снова прикусить его губу. Прикусила. Но не до крови, а чтобы потянуть, распробовать. Грудь под властными требовательными прикосновениями мужской руки заняла, соски превратились в камушки, ими-то как раз и занялся Коваль.

Катя взывала ему в губы, не то матерясь, выкрикивая проклятия, не то от остроты ощущений. Внизу живота появился дискомфорт, трусики увлажнились. Она чувствовала, да, чувствовала, как внутри её лона появляется необходимая влага. Катя интуитивно заерзала бедрами, прошлась ими по бедрам Ковалю, отчего тот приглушенно застонал и снова легко толкнул девушку в спину, перестав удерживать.

Катя уперлась рукой в поверхность стола, выгнула поясницу, выпятив попу. Ей хотелось, чтобы он сжал ягодицы. С силой. Но у Ковалю были другие планы. Он, не церемонясь с брюками, не удосужившись расстегнуть пуговицу и змейку, рванул их. Ткань жалобно треснула под напором, и вскоре прохладный воздух

коснулся разгоряченной кожи девушки. Но она не успела прочувствовать его, потому что сразу же горячие губы Руслана опустились на её ягодицы, целуя и прикусывая кожу. Катя вскрикнула, зажмурившись, теряя себя и связь с реальностью.

С трусиками поступили так же, как с брюками.

Пальцы Руслана сразу же устремились к её лону, прошлись по складочкам и раздвинули их, чтобы одним нырнуть внутрь, а вторым найти клитор.

– Влажная...

Катя даже не разобрала, что он ей прорычал, оторвавшись от покусывания ее ягодиц. Она заерзала, отвела руку назад, пошарив по воздуху, наткнулась на голову Руслана и снова притянула его лицо к себе. Пусть и дальше кусает, бережит кожу, оставляет на ней следы. Ей это нравилось! Ей это необходимо!

Жар поглощал тело, пробуждались инстинкты и дикая потребность в чем-то сладком, неизведанном, зародившемся. Катя прикусила губу, сильнее вцепившись рукой в короткие волосы Руслана. Она потерялась в собственных эмоциях, требующих выплеска.

Мужские пальцы и губы знали, как действовать, где надавить, где проникнуть глубже и потереть. Катя терялась всё сильнее. Она уже не понимала, что происходит.

Кто она...

Где она...

Ей нравилось всё. Сильные пальцы на бедрах, оставляющие розовые слезы. Зубы на ягодицах, сменяющиеся страстными, обжигающими поцелуями, заставляющие её то хныкать, то вилять бедрами, подаваясь назад. Терпкий аромат парфюма Ковалёва накрыл её с головой. Сам мужчина был везде. Такое невозможно, но так было.

Поэтому, когда на Катину поясницу опустилась рука, намертво прижимая её к поверхности стола, девушка протестующе застонала, не замечая, как ногтями царапает дерево. И закричала в голос – Руслан вошёл в неё. Сразу же, на всю длину.

– Генееееераааал...

Его оказалось слишком много. Он сразу же потянул её назад, на себя, одновременно проникая ещё глубже, растягивая её, подстраивая под себя и опрокидывая на грудь, сдирая с неё кофту, которая по-прежнему на ней болталась.

– К черту... ненавижу на тебе одежду, когда ты в моих руках, – от его слов, сказанных глухо, с какой-то тяжестью, Катю повело ещё сильнее. Она вскинула руки, обняла Руслана за шею и, извернувшись, уже сама поцеловала его.

Он сжимал её талию и бедра, перемещался к груди, играл с соском, то оттягивая его, то теребя ладонью, при этом совершал резкие, глубокие толчки, отчего у Кати внутри всё горело.

Она чувствовала ЕГО...

Остро. Горячо. Сладко.

Он заполнил её всю.

Он был везде.

Толчок.

Толчок.

Ещё один толчок...

И взрыв. Яркий, сильный, болезненный.

А как апофеоз происходящего – осязаемый вкус за мочку и мужской стон, проникающий в самое сердце.

* * *

РУСЛАН

Она дрожала в его руках.

Маленький Воробушек.

А он не мог отпустить.

Кончал бурно, наполняя своим семенем, в голове же билась другая мысль: она кончила. За секунду до него. Сжала его член плотно, хотя, казалось, куда плотнее. Застыла, застонала, глазки прикрыла.

Он смотрел на неё. Не мог оторвать взгляда от её личика, искаженного наслаждением, покрасневшего, с легкой испариной на лбу. Такая нежная... ранимая... маленькая.

Сумасшедше сладкая.

Он впитывал её красоту, её оргазм, и начинал кайфовать ещё сильнее. От вида её трепещущих ресничек, отбрасывающих тень, от подрагивающих губ, чуть приоткрытых, точно стон, самый последний, яркий, так и не сорвался с них.

Да, он не мог её отпустить.

И дело тут уже не в объятиях. И не в сексе.

Не только в нем.

Глава 5

– Ешь.

– Я тебя ненавижу, Коваль.

В ответ довольная улыбка.

Он лыбится!

Эта сволочь, которая не просто выпила из неё все соки, но и лишила всего, сидит и довольно улыбается.

Катя сжала губы и прикрыла глаза. Сил притворяться или что-либо играть не было. Она оказалась выжатой. До дна.

Несмотря на то, что после секса и волнительного, изнурительного перелета Катя провалилась в сон, он длился недолго. Пара часов, не больше. Когда же Катя проснулась, то обнаружила, что Генерал вкатывает в комнату тележку с завтраком.

Чертово дежавю.

Она натянула покрывало до шеи.

– Ненависть, Воробушек, это хорошо.

– И что же хорошего? Тебе нравится, когда тебя ненавидят?

– Мне нравятся эмоции. Особенно твои.

– Я не буду завтракать.

– Надо будет – из ложки покормлю. Такой вариант устроит?

Руслан веселился.

И это настораживало сильнее.

Хотя Катя пребывала в таком состоянии, что настораживайся – не настораживайся – всё одно.

Хуже уже не будет.

Положа руку на сердце, ей хотелось бы видеть другого Генерала – не такого довольного точно. Чему он радуется? Вот чему?

И ей категорически не нравилась его услужливость. Как-то не сочеталась она с обликом Коваля. Вот никак.

Она замерла в ожидании его дальнейших действий. Голова спросонья плохо соображала, да и легкая боль присутствовала в затылке.

Перед ней поставили поднос на ножках, на чашу которого молча водрузили кашу (будь она не ладна!), пиалу с медом, джем и свежие булочки. На самой тележке остались тарелки с фруктами, сыром, и творожными запеканками.

– Мне даже нравится мысль, что я сам тебя покормлю, – довольно сказал Руслан, опускаясь рядом. На нем сегодня были короткие шорты, открывающие сильные ноги, и свободная футболка, которая всё равно не скрывала его мощных плеч.

Катя посмотрела на тарелку. Можно повести себя как ребенок и запихать кашу в рот без добавок и прочих вкусовностей. Можно попытаться повести себя, как взрослый адекватный человек.

Жизнь которого стерли подчистую...

– Зачем ты это делаешь? – она не могла не спросить.

– Завтрак – главный прием пищи, его...

– Я не про завтрак, Руслан.

Он прекрасно её понимал, лишь делал вид.

– Поешь, потом поговорим.

Она молча взяла ложку, добавила в кашу мед и поела, не глядя на Руслана. Он всё равно сделает по-своему. Сопrotивляйся она, бунтуй. Да что хочешь делай! Будет, как он сказал.

В груди появлялось неприятное жжение, похожее на то, когда болеешь: ни вздохнуть спокойно, ни выдохнуть.

– Сок?

– Буду.

Она подыграет ему. Катя доела всю кашу, выпила стакан яблочного сока.

Что дальше?

Она поставила пустой стакан на поднос и посмотрела на Генерала.

– Мне ещё надо творожок съесть или кусок сыра? Лучше сразу скажи, чтобы мне знать, к чему готовиться.

– Язвишь?

Его пальцы коснулись её подбородка, чуть сжали, заключая в плен. Как привычно... И как неприятно. И дело не в прикосновениях!

– Руслан, я так больше не могу. Ты обещал разговор.

Наконец-то она добилась того, что лицо мужчины посерьезнело. Ему не понравился её упрек касательный его обещания.

Коваль убрал поднос с кровати, отодвинул тележку и повернулся к ней, уперев одну руку в матрас, создав тем самым необходимый баланс.

К Кате мужчина находился слишком близко, одно движение, и он снова с ней сможет проделать всё, что заблагорассудится.

– Давай поговорим.

Сказал просто, обыденно, при этом посмотрев Кате в глаза. Что он там пытался рассмотреть? Прочесть? Её эмоции видны не вооруженным взглядом.

– Зачем ты меня убил? – не повышая голоса, задала она ещё один вопрос.

– Разве ты мертва? По мне ты живее всех живых.

Он снова протянул руку и коснулся её щеки. Как котенка. Увидел понравившегося зверька и приласкал. Не более.

– У меня сейчас будет истерика.

– Ты первая девушка, кто предупреждает о ней, – усмехнулся Руслан, сильнее надавливая пальцем, рисуя на её щеке непонятные символы.

Катя медленно подняла руку и накрыла его кисть. Потянула. Брови Руслана так же демонстративно медленно поползли вверх.

Она ожидала встречного вопроса, но его не последовало.

– Руслан, я на грани, – почти шепотом призналась Катя, не думая, что он может использовать её слова, как слабость. – Я надеялась, я искренне рассчитывала, что ты мне pomoжешь. Что адвокат договорится с семьей пострадавшего, хотя те и просят миллион компенсации. Что мне вынесут смягчающий приговор. Условное. Я понимала, что даже с условным мне будет сложно дальше жить, устроиться на хорошую работу. Из института меня, скорее всего, уже отчислили, но я как-нибудь справилась бы. Пока все мои мысли были о приговоре, и я не думала про работу... Но я же не первая была бы и не последней.

Она замолчала, ожидая, что он как-то прокомментирует ей сказанное.

Нет.

Продолжал смотреть и слушать.

Лишь выражение глаз изменилось. Появилась знакомая тяжесть.

– Мне тяжело говорить, да и мысли путаются. Ты... Не те у нас отношения, чтобы откровенничать и душу изливать.

– Почему же? Я бы с удовольствием послушал, что ты думаешь о наших... отношениях.

Она заметила сделанную им паузу, тонкий намёк, на который бы она ещё пару дней назад остро отреагировала бы, непременно задумалась бы, что да как. Не сегодня – точно.

Конечно, ей было что терять. И много. Но об этом мысли придут позже.

– Ты меня имеешь, я под тебя подстраиваюсь. Вот и все наши отношения, если их таковыми можно назвать, – устало произнесла она, поправляя волосы, что лезли в лицо.

– Смелое заявление.

Катю даже не остановила сталь в его глазах. Опасная. Предупреждающая.

– А я разве как-то неправильно выразилась, Руслан? Ты щелкаешь пальцами, и меня приводят к тебе в камеру. Щелкаешь вторично – привозят в дом. Расклад простой. Ты мужчина, наделенный невероятной властью. Наверное, даже сейчас я не понимаю её масштабов, да мне и не надо. Если раньше я думала, что твоя власть в отношении моего дела – это благо, то теперь даже не знаю, что думать. Я не хочу, чтобы по твоему третьему щелчку меня превратили в пустоту. Стерли. А ведь так и произошло.

– Спорить не буду.

Снова лаконично и абсолютно непонятно.

Катя сильнее вцепилась в покрывало. Её даже перестала смущать собственная нагота, но необходимость чем-то отгородиться от него возрастала с геометрической прогрессией.

– Руслан... Черт, я не знаю, как с тобой разговаривать! Я...

– По мне, так у тебя отлично получается. Итак, я тебя имею, ты подстраиваешься.

Катя моргнула. Потом ещё один раз.

Он вытянул только эти из её слов?

То есть его заинтересовало именно это? И ему всё равно на её свидетельство от смерти?!

Внутренняя истерика подбиралась всё ближе. Конечно, всё равно. Он же свидетельство и организовал. Чему она, собственно, удивляется?

– Да. Разве не так? Я не против... Я всё понимаю, – она снова провела рукой по волосам. – Ты мужчина, я чем-то тебя привлекла. Я всё понимаю, но... Руслан, так нельзя! Мы не договаривались.

– А мы о чем-то конкретно договаривались, маленькая?

Что-то в его интонации неизменно менялось. Появлялись нотки, на которые следовало бы обратить внимание и сбавить обороты.

Катя устала. Дико. От всего.

От страха, от унижений, от неопределенности.

– У нас не было никаких договоренностей, – она, в отличие от Ковалёва, ответила сразу. – Я и не ждала многого. Мне много и не надо. Я совершила преступление,

И...

– Катя, хватит.

Руслан оборвал её в привычной, властной манере. И если раньше подобное на Катю действовало безотказно, сегодня все барьеры рушились. Природная осторожность и инстинкт самосохранения тоже куда-то запропастились.

– Нет, не хватит, – девушка не повышала голоса, говорила всё так же тихо, лишь задрожала, пытаясь подавить гнев вперемешку с отчаянием. – Я задаю вопросы, ты на них не отвечаешь. Лишь отдаешь команды, на которые я обязана подчиняться. Ты так привык общаться с женщинами. И я готова была под тебя прогибаться, вернее, я и прогибалась, пока... не вот это, – у неё не нашлось нужных слов, и она рукой показала на пространство вокруг себя. – Я заслуживаю нормальных объяснений.

Ей казалось, что она бросает слова в пустоту. Нет, в стихию. В ураган, в шторм. Когда волны поднимаются и с силой бьются о камни. А её слова где-то в эпицентре воронки, глухие и ничего не значащие.

Потому что Генерал продолжал сидеть с абсолютно непроницаемым выражением на лице.

Её слова для него – лишь пустое сотрясение воздуха.

– Ты не готова к ним.

Катя вымученно улыбнулась.

– Не готова... И почему я не удивлена, Руслан? Хотя... Ты прав. Наверное. По-своему. По-мужски. Ты генерал. У тебя высокий чин, нереальные возможности, раз ты взял и умертвил меня. А что мне? Надеяться, гадать, что ты мне сделаешь новые документы? Воскресишь меня? Другое имя мне выберешь? Я только одного не понимаю: почему нельзя объясниться? Поговорить? Я что этого не заслужила? Или у тебя особое понятие... «заслужить», да?

Она добилаь своего – вывела Руслана на эмоции. Он прищурился и чуть сдвинулся к ней. Не прикоснулся, не навалился, но разом уменьшил комнату, пространство.

Кате стало страшно.

Снова.

В очередной раз.

– Я решил, что так будет лучше. Такое объяснение тебе подойдет? – от его взгляда, слов, интонации повеяло арктическим холодом. Или океаном, что за окном.

Катя интуитивно сжалась. Не хотелось, так получилось.

И куда она полезла? Против кого? Что тут пытается показать? Что она равная ему? Что у них... как там она брякнула – отношения? Какие к черту отношения? Она раздвигает ноги, он трахает её. Куда и когда заблагорассудится. Она же старается, выписывает «кренделя». Банька, разговоры. Улыбки. Её наивность и вера в добро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kistyaeva_marina/devochka-dlya-general-a-2

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)